

© 2016 г.

Е.Н. НАЗЕМЦЕВА

ВНЕ ПРАВОВОГО ПОЛЯ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В КИТАЕ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1917–1924 годы)

Вопросы гражданства русских эмигрантов занимали важное место в советско-китайских отношениях в первой половине XX в. Синьхайская революция в Китае 1911–1913 гг. и революции 1917 г. в России положили начало новому этапу в истории взаимоотношений двух стран. В обоих государствах изменились политические системы. Происшедшие изменения способствовали определению новых стратегических задач советской внешней политики: противодействие политике великих держав, расширение советского влияния в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, контроль ситуации в приграничных районах. Серьезным препятствием для решения этих задач был эмигрантский фактор. Он играл важную роль в международных отношениях 20–40-х годов XX в. После завершения Гражданской войны в России в эмиграции оказались сотни тысяч людей. В Китае же сформировалась крупнейшая по численности русская диаспора.

Правовое положение русских в новой стране в силу сложившихся исторических условий, различных политических и международных обстоятельств имело определенную специфику. До краха Российской империи русские, проживавшие в Китае, пользовались правами экстерриториальности, имели свое самоуправление и администрацию, подлежали юрисдикции русского суда и т.д. Однако события в России – революции 1917 г. и последующая Гражданская война – изменили их статус. К русским “старожилам” присоединились “беженцы”. По некоторым данным число всех иностранцев в Китае в 1919 г. составляло 350 991 чел.¹ Основная часть русских эмигрантов оказалась в приграничье – Маньчжурии и Синьцзяне, а также в крупнейших городах и портах страны – Шанхае и Тяньцзине. Только в Харбине русское население с 1917 по 1922 г. увеличилось до 150 тыс. чел.² Политико-правовое положение русских в Маньчжурии долгое время зависело от развития КВЖД. Однако после 1917 г. связь с Правлением КВЖД в Санкт-Петербурге полностью прекратилась, и правовое положение русских граждан стало неопределенным³.

Появление беженцев в чужой для них стране предопределяет временный характер их статуса и, по международному праву, влечет за собой возникновение отношений

Наземцева Елена Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

¹ Экономическое обозрение, Шанхай, 16.XII.1922, № 8, с. 15.

² *Нэш Г.* Потерявшие Родину: семейная сага Тарасовых. СПб., 2011, с. 56.

³ *Капран И.К.* Правовое положение служащих КВЖД в 1920–1930-е гг. – Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006, с. 101.

двоякого вида: во-первых, между беженцами и государством, на территории которого они появились; во-вторых, между государством, принявшим беженцев, и государством, территорию которых они покинули. В некоторых случаях возникают отношения между принявшим беженцев государством и международными организациями, цель деятельности которых состоит в том, чтобы содействовать решению проблем беженцев⁴. Уникальность и сложность создавшейся ситуации состояли в том, что Российской империи уже не существовало, как не существовало тогда и международных организаций, занимавшихся проблемой беженцев и эмигрантов. Кроме того, между Советской Россией (а затем и СССР) и Китайской Республикой вплоть до 1924 г. отсутствовали дипломатические отношения⁵. Отстаивать права граждан несуществующего уже государства в чужой для них стране было некому.

Изменения правового статуса русских граждан в Китае наметились уже в 1917 г., т.е. сразу же после начала революционных событий в бывшей Российской империи. Несмотря на положение экстерриториальности, для въезжающих в Китай русских китайские власти ввели обязательное визирование паспортов, что было нарушением правил, предоставленных России Китаем договорами, заключенными ранее. Кроме того, руководство Китайской Республики предпринимало меры для регулирования потока беженцев. Это было обусловлено не только стремлением к безопасности, но и надеждой на возвращение своих позиций в Северной Маньчжурии, утраченных в период строительства КВЖД.

Первое время интересы бывших русских граждан защищали русские консулы, назначенные еще Временным правительством⁶. Но представлять интересы русских граждан за границей и защищать их права в период революционного времени посольствам теперь уже бывшей Российской империи было сложно. Роль дипломатических представительств за рубежом изменилась. Временное правительство поставило перед ними задачу выхода из служебной изоляции, допустимой в дореволюционное время, и участия в оказании помощи русским гражданам, оказавшимся за границей. Кроме того, революционные события на родине разворачивались с такой скоростью, что русский заграничный дипломатический корпус вынужден был самостоятельно определять отношение к событиям, происходящим в России, и вырабатывать стратегию своей деятельности в тех странах, в которых они находились. Положение осложнялось тем, что практически сразу же после Октябрьской революции – в декабре 1917 г. – за границу отправились дипломатические миссии нового большевистского правительства⁷. В Китай дипломатическая миссия большевиков прибыла в 1922 г. Российскую миссию в Пекине возглавил бывший вице-консул в Шанхае А.Н. Вознесенский⁸, а в сентябре 1923 г. – Л.М. Карахан. При этом следует учесть, что на момент официального прекращения действия загранучреждений Российской империи в ноябре 1917 г. консульская сеть в Китае была одной из самых разветвленных в мире – только в Синьцзяне, Внешней Монголии и Маньчжурии насчитывалось 17 представительств⁹.

Назначение советским руководством российскими представителями бывших царских консульских работников до приезда непосредственно новых “советских”

⁴ *Потапов В.И.* Беженцы и международное право. М., 1986, с. 8.

⁵ 3–5 июля 1922 г. в Женеве состоялась конференция, на которой была утверждена форма сертификата для беженцев, названного позднее “нансеновский паспорт”. Однако документ, подтверждавший особый юридический статус русских беженцев, не был признан в Китае.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП ИИ), ф. 143, оп. 491, д. 3196, л. 7; ф. Правовой департамент, оп. 455-а, д. 48, л. 2.

⁷ *Миронова Е.М.* Дипломатическое ведомство антибольшевистской России. – Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования, вып. 1. М., 2005, с. 61, 80.

⁸ *Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в 1918–1920 гг. М., 1964, с. 317.

⁹ *Сизова А.А.* Политическое измерение деятельности консульской службы России в Застенном Китае во второй половине XIX – начале XX в. – Вестник Томского государственного университета: история, 2011, № 1(13), с. 103.

консульских служащих представляло собой определенную игру. При назначении новых дипломатических представителей, в частности в Китае, советское руководство часто шло на повышение бывших сотрудников консульств, занимавших в царское время более низкие посты, при этом понижая тех консульских сотрудников, которые были рангом выше. Например, так поступили с генеральным консулом Российской империи в Мукдене С.А. Колоколовым. Новые власти потребовали смещения первого лица и замены его на второе. В результате консулом стал бывший ранее вице-консулом И.А. Бобровников, а С.А. Колоколов – вице-консулом¹⁰.

В 1917 – начале 20-х годов XX в. политику отстаивания прав русских граждан в Китае определял князь Н.А. Кудашев¹¹. Профессиональный дипломат, до последнего стремившийся защищать интересы российских граждан, он дал понять китайской стороне, что “требование от въезжающих в Китай русских визированных китайскими консулами паспортов может быть приведено в исполнение только с согласия Русского Правительства, так как русские в Китае внеземельны”. Кроме того, эти требования были предъявлены только к русским, что, в свою очередь, являлось нарушением правил наибольшего благоприятствования, предоставленных России Китаем. Н.А. Кудашев доложил об этом в столицу. Временное правительство ответило резким отказом на применение к русским гражданам данной меры¹². Кудашев был осторожен и не протестовал против объявленного позднее китайскими властями лишения права дипломатического представительства себя и других консулов. “Находя это в соответствии с истинным положением вещей”, он “настаивал на сохранении за русскими их прав экстерриториальности”¹³. В этом его активно поддерживали дипломатические представители других иностранных держав, поскольку им было невыгодно одностороннее нарушение договора Китаем в отношении России, так как это могло создать “опасный прецедент и для них”¹⁴. Октябрьскую революцию и приход к власти большевиков Кудашев не принял. Он считал себя и других сотрудников дипломатического корпуса законными представителями России¹⁵. Последние вполне разделяли его позицию. Например, спокойно встретил Февральскую, но не принял Октябрьскую революцию и С.А. Колоколов. Как отмечает в своих воспоминаниях его сын Б.С. Колоколов, Октябрьская революция “поставила его в тупик, и он ее не принял, как не приняли и все остальные российские представительства за границей”¹⁶. После Октябрьской революции, несмотря на приезд в Китай представителей советского правительства, дореволюционное русское посольство продолжало пользоваться всеми дипломатическими прерогативами. Поскольку в первое время китайское руководство противоречиво относилось к советской власти, то оно не только признавало требования и заявления бывших царских консулов, но и обращалось к ним за помощью “в предотвращении появления на территории страны русских большевиков”¹⁷.

Российские консулы в Китае активно включились в борьбу с советской властью. Не последнюю роль в этом играло стремление сохранить доминирующие российские позиции в ключевых для России регионах Китая. Н.А. Кудашев понимал, что китайское руководство не преминет воспользоваться смутой в России и укрепить свое положение в приграничных регионах, особенно в Маньчжурии: “Дорога, в сущности говоря,

¹⁰ Колоколов Б.С. Записки сына последнего российского императорского генерального консула в Мукдене. – Диаспора: новые материалы, вып. 9. Paris – СПб., 2007, с. 27.

¹¹ Кудашев Р.Х. Князь Кудашев – посол России. – История белой Сибири: тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001, с. 229–232.

¹² АВП РИ, ф. Правовой департамент, оп. 455-а, д. 48, л. 2.

¹³ Красноусов Е.М. Шанхайский русский полк. Русские на Международном Сеттльменте Шанхая. – Белая эмиграция в Китае и Монголии. М., 2005, с. 161.

¹⁴ Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008, с. 135.

¹⁵ Миронова Е.М. Указ. соч., с. 80.

¹⁶ Колоколов Б.С. Указ. соч., с. 27.

¹⁷ Миронова Е.М. Дипломатия небольшевистской России. От Певческого моста до улицы Гренель, 1917–1918. М., 2013, с. 120.

русская, хотя деньги и акции большей частью находились в Государственном банке, и только часть находилась в Русско-Китайском, а потом в Русско-Азиатском банке. В ней заинтересованы непосредственно русские и французы. Но китайцы хотят воспользоваться этим положением и забрать дорогу. Придется вести борьбу”¹⁸. Он оказался прав: китайская сторона стремилась использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах для восстановления своих позиций в полосе отчуждения КВЖД.

Приход к власти в России большевиков нарушил связь Управления дороги с его высшим распорядительным органом – правлением, которое фактически перестало существовать. Это привело к тому, что все вопросы по управлению делами оставались неразрешенными. В русских ополченских частях, расположенных в полосе отчуждения, под влиянием советской пропаганды начались волнения, угрожавшие нормальной деятельности дороги. 12 декабря 1917 г. китайские власти обезоружили русские дружины и предприняли специальные меры к сохранению порядка. Это было первым этапом в истории усиления на дороге китайского влияния.

Позиции китайской стороны на дороге еще больше усилились после проведенного председателем правления общества КВЖД 27 апреля 1918 г. чрезвычайного общего собрания. На собрании были предъявлены удостоверения российского агента министра финансов в Китае о принадлежности всех акций общества Русско-Азиатскому банку, избрано новое правление, учреждена должность директора-распорядителя с совмещением в одном лице должности товарища председателя. Позднее актом 14 марта 1919 г. общее наблюдение за железными дорогами, в том числе и за КВЖД, было вверено Особому межсоюзному комитету.

Образование Всероссийского правительства в Омске временно приостановило усиление китайских позиций на КВЖД. Однако его последующее падение и начало в марте 1920 г. новых волнений рабочих и служащих дало возможность китайскому правительству вновь усилить свое влияние на дороге. Таким образом, “власть по управлению дорогой фактически перешла в руки китайцев, осуществлявших таковую временно не в порядке какого-либо договора, а в порядке фактического властвования”¹⁹.

Еще весной 1918 г. Н.А. Кудашев при встрече с А.В. Колчаком высказался за организацию антибольшевистского фронта на Дальнем Востоке. Им же был разработан план, согласно которому на основании средств КВЖД в полосе отчуждения и корпуса стражи предполагалось подготовить войсковое соединение, чтобы отстаивать интересы России. Н.А. Кудашеву без ущерба для российской стороны удалось сгладить назревавшие противоречия в отношениях с Францией, у которой в этом регионе были значительные политико-экономические интересы, и потеря Россией своих позиций была ей на руку²⁰.

Однако наряду с политической составляющей для заграничного дипкорпуса важной на этом этапе оставалась, безусловно, гуманитарная, которая подразумевала помощь беженцам из России и защиту их прав²¹. Как отмечает в своих воспоминаниях Колоколов, “консульство в то время было прибежищем для всех русских, оказавшихся случайно или по роду деятельности вдали от родины. Трехцветный флаг был маяком, указывавшим путь к защите и покровительству”²².

Первое время Н.А. Кудашеву и другим российским консулам, находящимся в Китае, удавалось реализовывать поставленные задачи. Во многом это было возможным благодаря отношению к бывшим дипломатическим представителям Российской империи китайских властей. В частности, китайские власти продолжали признавать генерального консула в Мукдене С.А. Колоколова и подчеркивали к нему свое почтение.

¹⁸ Кудашев Р.Х. Указ. соч., с. 230.

¹⁹ Кайсаров В.Д. Правовое положение КВЖД. – Экономический вестник Маньчжурии, Харбин, 1923, № 21–22, с. 6.

²⁰ Кудашев Р.Х. Указ. соч., с. 231.

²¹ Миронова Е.М. Дипломатическое ведомство антибольшевистской России, с. 101.

²² Колоколов Б.С. Указ. соч., с. 23.

Сын дипломата вспоминал: “Китайцы отца любили. Помню, как приезжали к нам иногда высокопоставленные китайские чиновники. Их сопровождал многочисленный конвой из полицейских, которые рассыпались по двору, когда чиновники удалялись в служебный корпус консульства для переговоров”²³.

Пытался защитить права русского населения в Китае и управляющий КВЖД генерал Д.Л. Хорват. 14 января 1920 г. он представил декларацию о принятии им на себя полной власти в полосе отчуждения КВЖД до образования нового русского правительства. Однако его попытки не увенчались успехом: через несколько дней, 20 января 1920 г., председатель правления общества КВЖД Бао Гуйцин заявил, что, поскольку КВЖД находится на территории Китая, политическая власть в полосе отчуждения не может принадлежать никакой другой стране кроме Китая. Разумеется, у Хорвата оставались некоторые полномочия, необходимые для защиты прав русских эмигрантов в полосе отчуждения²⁴. Однако политическое положение на дороге, сложившееся в это время, все же не позволило ему предпринять для этого все необходимые меры.

Вмешательство представителей советской власти в дипломатию на Дальнем Востоке постепенно меняло ситуацию. Причем позиция советской стороны не отличалась последовательностью, что было выгодно китайскому руководству и давало ему возможность проводить политику, одной из задач которой являлась отмена статуса экстерриториальности иностранных подданных, в том числе русских. Налаживание контактов с Китаем было необходимо советской власти по ряду причин. В обстановке, сложившейся на Дальнем Востоке в конце 1917–1918 г., установление советско-китайских отношений могло бы стать решающим фактором, способным помешать интервенции Антанты. Кроме того, Китай находился в центре внимания советского руководства в силу геополитических соображений. Важным было и то, что руководство Советской России, учитывая полуколониальный статус Китая и острое соперничество иностранных держав за свое преобладание в регионе, было заинтересовано в распространении революционных настроений в стране в надежде на осуществление мировой социалистической революции²⁵.

Уже в ноябре 1917 г. народный комиссар по иностранным делам РСФСР Л.Д. Троцкий пытался вести переговоры с главой китайской миссии в Петрограде Лю Цзинжэнем о заключении китайско-советского договора на основе равенства, об аннулировании договоров, причинивших ущерб суверенитету Китая, и установлении дружественных отношений между двумя странами²⁶. При этом наркоминдел заявил об отказе от прав экстерриториальности русских граждан в Китае, а также о восстановлении прав Китая на территории, по которой проходит КВЖД. Это означало новую конфигурацию отношений в соответствии с новым соотношением внешних и внутренних факторов и вполне удовлетворяло китайское руководство.

Однако следует отметить, что объявление советским руководством договоров, заключенных прежним правительством России и Китая, не имеющими силы, отнюдь не означало полного их перечеркивания²⁷. Советское руководство надеялось на отказ китайских властей от сотрудничества со странами Антанты и царскими дипломатами, а также на то, что общность классовых интересов послужит основой для строительства межгосударственных отношений, учитывая необходимость борьбы китайского народа против “иностраных угнетателей”. Позднее советские власти изменят свою позицию.

Но в этот период нажим держав Антанты и умелая политика бывших царских дипломатов – того же Кудашева – сыграли свою роль: 16 декабря 1917 г. китайское руководство

²³ Там же, с. 27.

²⁴ Залесская О.В. Российско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1917–1924 гг.). Благовещенск, 2002, с. 103.

²⁵ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004, с. 428.

²⁶ Границы Китая: история формирования. М., 2001, с. 186.

²⁷ Там же, с. 188.

открыто заявило о своей поддержке Антанты. Затем пекинское правительство наложило запрет на торговлю с Россией²⁸. Кудашев писал, что “политика пекинского правительства в отношении Советской России была неровной. Оно опасалось влияния русской революции на движение в Южном Китае и зависело от союзников”²⁹. Причины этого объясняли японские наблюдатели: в политике китайского правительства по отношению к советской власти в России с самого начала имелось два течения: прогрессивное и умеренное. Представители прогрессивного течения настаивали на сближении с рабоче-крестьянской Россией, представители второго течения советовали начать переговоры с последней только после того, как определится позиция союзников. Лидером первых являлся управляющий департаментом внешних сношений Янь, лидером вторых – управляющий департаментом внутренних дел Чжан³⁰. Кроме того, на китайскую сторону оказывали давление бывший камергер царского двора Г.А. Казаков, а также правление Русско-Азиатского банка, несмотря на то, что положение последнего в эти годы было весьма шатким. Собственность банка на территории страны была национализирована во время Гражданской войны, а судьба его главного актива за границей – КВЖД – стала одной из важнейших проблем международных отношений 20–30-х годов XX в.³¹

Нажим на пекинское правительство привел к срыву советско-китайских переговоров. Китайский посланник покинул Советскую Россию. Тогда советское руководство попыталось активизировать свои действия. СНК РСФСР 25 июля 1919 г. обратился с Декларацией к народу и правительствам Южного и Северного Китая, в которой отмечалось, что правительство РСФСР, как только взяло в октябре 1917 г. власть в свои руки, “объявило уничтоженными все тайные договоры, заключенные с Японией, Китаем и бывшими союзниками”, а также подтверждался отказ от прав экстерриториальности и от концессий в Китае. Эта декларация была подтверждена 27 сентября 1920 г. в ноте Народного комиссариата иностранных дел (НКИД), врученной главе военно-дипломатической миссии Китая Чжан Сылиню, прибывшему из Пекина в Москву³².

Но лишь после окончания Гражданской войны в России пекинское правительство изменило свое отношение к советской власти. Таким образом, представители китайских властей, придерживавшиеся умеренного направления в отношениях с Советской Россией, потерпели поражение. Одновременно возросло влияние управляющего департаментом внешних сношений Яня. Вскоре состоялось его формальное свидание с представителем Верхнеудинского правительства И.Л. Юриным. Последний по согласованию с НКИД РСФСР был направлен в Китай в июне 1920 г. с дипломатической миссией. Он предложил установить консульские отношения между Китаем и Дальневосточной Республикой, заключить торговый договор и решить проблему КВЖД. Однако его миссия рассматривалась в Пекине только как торговая. Юрину было представлено три условия, на которых Китай желал бы начать торговые отношения с Россией: 1) уничтожение особых прав (экстерриториальности. – *Е.Н.*) в Маньчжурии, которые имела Россия до революции, 2) уничтожение договора о сухопутной торговле, заключенного Россией и Китаем в 1881 г., 3) заключение временного торгового договора³³. Политическое же сотрудничество, касающееся урегулирования отношений с Россией, пока отодвигалось “до победы в Северном походе”³⁴.

С этого же времени китайская администрация постепенно начинает ужесточать санкции к прибывающим в страну русским эмигрантам. С мая 1920 г. вновь приез-

²⁸ Хейфец А.Н. Указ. соч., с. 326.

²⁹ Цит. по: Хейфец А.Н. Указ. соч., с. 330.

³⁰ Цюо Симбун. Япония о России. – Голос Японии, Токио, 1920, № 27, с. 4.

³¹ Лебедев С.К. К вопросу о судьбе Русско-Азиатского банка в конце 1920-х гг. – Санкт-Петербург – Китай. Три века контактов. СПб., 2006, с. 229.

³² Границы Китая: история формирования, с. 187.

³³ Цюо Симбун. Указ. соч., с. 4.

³⁴ Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945. М., 1999, с. 19.

жающие из России, в частности направлявшиеся в Айгунский район, были обязаны представить русские национальные паспорта, визированные для въезда в пределы Китая китайским генеральным консульством в Благовещенске. А с 15 мая въезд русских из Харбина в Айгунь вообще был запрещен. Русские, прибывающие из Харбина на пароходах, не допускались на китайский берег и должны были или отправляться в Россию, или возвращаться в Харбин. Аналогичное положение сложилось в Хэйхе: лица, проживающие без паспортов, арестовывались и препровождались в российское вице-консульство в Айгуне. Все русские граждане, как постоянно проживающие в Хайхэ, так и беженцы, по требованию местных китайских властей должны были выбрать в российском вице-консульстве в Айгуне особые удостоверения на право проживания в Хэйхэском округе и представить эти удостоверения в управление Хэйхэского даоиня³⁵.

23 сентября 1920 г. был издан декрет президента Китайской Республики Сюй Шичана о прекращении официальных сношений с имеющимися в стране российскими дипломатическими представительствами. Согласно этому акту, Китай принимал на себя все права русского правительства по отношению к русским гражданам и русским предприятиям, находящимся в пределах Китайской Республики. Кроме того, этим актом китайское правительство приняло на себя и все права и обязанности обоих правительств в отношении КВЖД. 27 сентября 1920 г. министерством юстиции Китая был принят Порядок возвращения судебных прав на КВЖД, проведена китаизация суда в Особом районе Восточных провинций. Китайское руководство также приняло меры для сосредоточения в своих руках административной власти в полосе отчуждения: со 2 октября 1920 г. изменялись принципы управления и функции общества КВЖД. С этого времени в состав правления дороги входили пять китайских представителей, хотя русским и была сохранена должность управляющего дорогой³⁶. Таким образом, китайское правительство решило взять в свои руки все имущество дороги “до достижения соглашения с тем Русским Правительством, которое будет признано Китаем”. Принятые меры регулировали полноправное участие в высшем управлении делами дороги лиц русской и китайской национальностей. В то же время было установлено, что права и обязанности общества КВЖД будут носить исключительно коммерческий характер, и какие бы то ни было действия, и присвоение прав политического характера обществу воспрещались³⁷.

Между тем советское руководство в “Обращении Правительства РСФСР к Правительству Китайской Республики” снова заявило об отказе России от прав экстерриториальности. Отказ от прав экстерриториальности имел целый ряд негативных последствий, в том числе для русских эмигрантов, оказавшихся в Китае: они фактически лишались последней надежды на защиту. Кроме того, представители всего дипкорпуса протестовали и требовали сохранить за консулами бывшей Российской империи прежние права и обязанности, признавая их представителями русских подданных, надеясь, что сами консулы не закроют консульства и будут придерживаться именно такой политики. Деятельность же советских представителей, находившихся в тот момент в Китае, предлагалось игнорировать. Разумеется, такая позиция объяснялась не столько заботами о бывших гражданах Российской империи, сколько опасением иностранных представителей возможности требования китайским руководством отмены экстерриториальности для своих граждан.

Отмена экстерриториальности была весьма выгодна Японии. По мнению современного исследователя Г.И. Малышенко, она преследовала цель пересмотреть договоры Китая с европейскими государствами, в том числе и советско-китайский договор относительно КВЖД, в свою пользу. Китай же, допуская ранее права экстерриториаль-

³⁵ Залеская О.В. Указ. соч., с. 104.

³⁶ Аблажей Н.Н. С Востока на Восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007, с. 74.

³⁷ Кайсаров В.Д. Указ. соч., с. 7–8.

ности, концессии и другие преимущества иностранцев на своей территории, являлся препятствием на пути реализации целей японского господства в Азии³⁸.

Сами русские эмигранты отмечали, что отказ от экстерриториальности завершил целую эпоху жизни русских в Маньчжурии. “С этого момента, – вспоминала Е. Ширинская, – начинается новая жизнь г. Харбина, насыщенная политическими интригами, в которых было много участников: китайские политические партии, советская власть, японская военщина и среди всего этого – русское население: сначала основное русское население, а с 20-х годов русская эмиграция, которая состояла из бывших военных, их семей и людей, бегущих от коммунистического террора и преследователей разного рода”³⁹. Аналогичной точки зрения придерживался Н. Лидин: “В конце 1919 – начале 1920 г. попадая в Харбин, русский эмигрант ни в какой степени не чувствовал, что он за границей. В ту пору в полосе отчуждения, в Харбине в особенности, социально-административный уклад жизни носил ярко выраженный русский характер. И по существу, и формально. Функционировал русский суд, русская почта, русская полиция, городское самоуправление, сконструированное по русскому образцу. На улицах, в магазинах, в учреждениях господствовал русский язык”. Позже, когда началась эра ликвидации русских прав и интересов, ломки русских учреждений, ущемления русского влияния, вытеснения русских из занятых ими позиций на дороге и в торгово-промышленном мире, тогда этот край стал для русской эмиграции заграницей. В то же время Лидин считал, что ни ликвидация русских судебных учреждений в полосе отчуждения, ни замена русского полицейского аппарата китайским, ни прочие китайские мероприятия, направленные все к одной и той же цели – ликвидации русских прав и интересов, все это не могло в корне и сразу изменить русский облик Харбина, русский уклад жизни в этом краевом центре⁴⁰.

25 сентября 1920 г. Н.А. Кудашев вынужден был направить министру иностранных дел Китая ноту с подтверждением получения декрета президента республики об упразднении русского посольства и консульств на территории Китая. В ней он отметил, что в соответствии с декретом уведомил русские консульства о необходимости их ликвидации, а также о том, что с этого времени русские в Китае лишались официальной защиты. Ответственность за это решение русский дипломат возложил на китайские власти. Однако они не признали это, направив комментарий к ноте, в котором утверждалось, что это решение самого Кудашева. В комментарии также отмечалось, что последний до сих пор не прекратил своей деятельности. Тем не менее Н.А. Кудашев все же вынужден был ее прекратить. Но, поскольку китайское правительство в это время еще не имело официальных возможностей для вмешательства в дела Пекинского района, где были расположены посольства иностранных держав, в том числе и России, а советское правительство пока не было признано официально, Кудашеву и его служащим было позволено оставаться в российском посольстве до того времени, пока китайские власти не признают новое российское правительство⁴¹.

Постепенно сложили свои полномочия и остальные дипломаты бывшей Российской империи. По приказу Чжан Цзолиня были закрыты все российские консульства в провинции Цзилинь, Мукдене, Чанчуне и других городах Северо-Восточного Китая. Заручившись поддержкой генерала армии Хэйлудзянской провинции Бао Гуйцина, Чжан Цзолинь убедил его дать распоряжение китайской армии, охраняющей железные дороги в северо-восточных провинциях, держать под контролем процесс прекращения деятельности бывших российских посланника и консулов⁴².

Оставшиеся в Китае бывшие сотрудники консульств Российской империи после официального прекращения своей деятельности продолжали поддерживать связь

³⁸ Малышенко Г.И. Дальневосточная эмиграция российского казачества в планах международной реакции (1920–1930-е гг.). – Инновационное образование и экономика, 2010, № 7, с. 55.

³⁹ Цит. по: Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь “русского” Китая. М., 2006, с. 78.

⁴⁰ Лидин Н. Русская эмиграция на Д.В. – Русские записки, 1937, № 1, с. 313–314.

⁴¹ Ван Чжичэн. Указ. соч., с. 133.

⁴² Там же, с. 137.

друг с другом, помогая семьям своих коллег, оказавшимся в тяжелом положении. Как отмечает Б.С. Колоколов, “теперь уже бывшие русские консулы в различных городах Китая чувствовали общность своей судьбы и при случае поддерживали связь друг с другом”⁴³.

В условиях прекращения деятельности русских консульств отстаивать права попыталась общественность полосы отчуждения. В Харбине была избрана представительная делегация, которую направили в Пекин для выяснения особенностей практической реализации декрета и урегулирования в связи с этим правового положения русских. В состав делегации вошли председатель Городского совета Харбина П.С. Тишенко, председатель Харбинского биржевого комитета В.Н. Водянский, представитель Комитета судебных деятелей Е.Х. Нилос и другие. В Пекине к Харбинской делегации присоединились представители других крупных русских колоний в Китае: В.Ф. Гроссе (от Шанхая), П.В. Вологодский и Д.М. Тидеман (от Тяньцзиня), Бельченко (от Ханькоу)⁴⁴.

Делегация ходатайствовала перед центральным китайским правительством о сохранении русских судебных учреждений в Харбине и консульского суда для русского населения Шанхая, об образовании при пекинском правительстве специальной Комиссии по русским делам, в состав которой вошли бы русские советники по административной и судебной части. Однако ее просьбы были удовлетворены частично. Комиссия была создана, но ее председателем был назначен бывший китайский посланник в Петербурге Лю Цзинжэнь. Русский суд сохранен не был. 1 октября 1920 г. была официально прекращена деятельность русских судебных учреждений в Харбине⁴⁵. Русские начали регистрироваться по китайским законам, судебные дела рассматривались в Смешанном суде⁴⁶.

30 октября 1920 г. Госссовет и Министерство внутренних дел Китая издали “Правила административного подчинения проживающих в Китае русских граждан”. В соответствии с ними российские подданные перешли под юрисдикцию управления по иностранным делам, им гарантировались проживание в местах, открытых для иностранцев, право заниматься хозяйственной деятельностью, личная и имущественная защита. Однако с этих пор русские должны были подчиняться китайским законам. Правила ограничивали свободу передвижения по стране. Путешествующие россияне должны были получить санкцию на поездки в качестве охранного листа полиции или местного комиссара по иностранным делам⁴⁷. В нем обозначались цель, место и сроки путешествия⁴⁸. Проживание разрешалось только в определенных районах. В то же время вплоть до 1921 г. в Харбине функционировали Гражданское управление, российская железнодорожная полиция, сыскное отделение и Пограничный суд. Несмотря на то, что в октябре 1920 г. российское судопроизводство было прекращено, русский персонал остался на своих местах⁴⁹. Это оказалось возможным по ряду причин. Во-первых, китайское законодательство было непригодным для урегулирования юридических споров, возникавших среди русского населения, во-вторых, среди китайских судей не было никого с европейским юридическим образованием, в-третьих, Пекин предложил при разборе русских дел пока все же руководствоваться русскими законами⁵⁰.

⁴³ Колоколов Б.С. Указ. соч., с. 28.

⁴⁴ Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М., 2004, с. 38.

⁴⁵ Там же, с. 39.

⁴⁶ Красноусов Е.М. Указ. соч., с. 161.

⁴⁷ Аблажей Н.Н. Указ. соч., с. 73.

⁴⁸ Залеская О.В. Указ. соч., с. 104.

⁴⁹ Бакулина А.А. Политико-правовой статус российских эмигрантов в полосе отчуждения КВЖД (конец XIX – нач. XX вв.). – Актуальные проблемы исследования истории КВЖД и российской эмиграции в Китае. Хабаровск, 2008, с. 13.

⁵⁰ Говердовская Л.Ф. Указ. соч., с. 39.

В марте 1921 г. китайское правительство издало указ “О порядке регистрации русских эмигрантов”. Согласно этому указу все эмигранты, прибывающие из России, должны были зарегистрироваться в полицейском управлении и получить вид на жительство. Он выдавался на один год и требовал продления. Его стоимость составляла 6 долл. 10 центов⁵¹. Въезд на территорию Китая разрешался с санкции посольства Китая в России либо приграничных местных правительственных учреждений.

Однако вышеназванные меры в отношении русских эмигрантов не означали, что китайское руководство все же пойдет навстречу советским властям в установлении официальных отношений. В сентябре 1923 г. МИД Китая издал единое Положение о проживании русских подданных. Условием регистрации и проживания в Китае для русских эмигрантов, по положению, являлась “непричастность к экстремистским политическим организациям”, под которыми понимались, в частности, организации, близкие к большевистским⁵².

Не все благоприятно обстояло и с деятельностью советских уполномоченных, прибывших в Китай, особенно в Харбине. До установления советско-китайских дипломатических отношений здесь отсутствовало консульство СССР. В результате все дела, касающиеся гражданского состояния, получения паспортов, проходили через советское представительство. Из-за предписанного управляющим делами НКВД СССР Б.И. Канторовичем сокращения сотрудники советского представительства не справлялись с огромным потоком свалившихся на них дел. Все это вызывало резкое недовольство Л.М. Карахана, который считал подобную практику недопустимой. В письме Г.В. Чичерину 13 октября 1923 г. он сообщал: “Сейчас как раз во всей полосе отчуждения не только со стороны рабочих, но и со стороны всего русского населения в связи со всякими слухами о нашем приходе, о том, что мы скоро возьмем жел. дорогу, наметился чрезвычайно благоприятный поворот. Сокращение же штатов, несомненно, больно отзовется на их интересах и нам не следовало бы таким путем портить отношения с местным населением, с местными советскими гражданами, тем более, что с точки зрения казны сокращение штатов не является экономией”⁵³.

В местной русской печати действительно появились утверждения о “возвращении” России на КВЖД: “советская власть радикально изменила свое отношение к дороге, выставив себя законным наследником этого русского достояния и домогаясь признания за нею прав бывшего дореволюционного Российского Правительства”. Однако, отказываясь от обязательств дореволюционной России, советская власть не имела “разумных оснований присвоить себе какие бы то ни было права той же России”, так как “аннулируя договора вообще, она аннулировала и договора о КВЖД в частности”⁵⁴. В результате уже в 1921 г. к китайской администрации перешла полицейская власть в полосе отчуждения КВЖД, а также почтовая и телеграфные службы. А с 1923 г., согласно указу Чжан Цзолиня от 28 июля – и земельные права в полосе отчуждения. Все это постепенно приводило к дальнейшему ухудшению политико-правового положения русских эмигрантов в Маньчжурии. Помимо фактического отсутствия каких-либо прав, предоставляемых беженцам, они оказались “между Сциллой и Харибдой”: с одной стороны – стремившееся к возвращению своих позиций в регионе китайское руководство, с другой – идеологические противники – советские власти, постепенно все же отходившие от революционных лозунгов и возвращавшиеся в своей внешней политике к приоритету государственных интересов.

Определенной спецификой отличалось положение русских эмигрантов в рассматриваемый период в Шанхае. Это было обусловлено особым положением города, его

⁵¹ Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014, с. 14.

⁵² Аблажей Н.Н. Указ. соч., с. 73.

⁵³ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. М., 2008, с. 86.

⁵⁴ Кайсаров В.Д. Указ. соч., с. 8–9.

ролью в политической и экономической жизни Китая, а также сильным влиянием здесь западных государств. Сразу же после получения известий о совершившейся в России революции русская колония на общем собрании 8 апреля 1917 г. приняла решение об объединении и избрании исполнительного комитета в составе 12 человек “для изыскания способов к объединению русской колонии и проведения в жизнь необходимых общественных организаций”. В его задачи входили образование в Шанхае русского общественного собрания, просветительская деятельность, защита русских торговых интересов, а также оказание помощи русским эмигрантам⁵⁵.

К 1919 г. количество русских в Шанхае составляло по разным данным до 2 тыс. чел.⁵⁶ В 1923 г. – около 4 тыс. чел. По другим данным численность русских на территории Международного селтльмента Шанхая в 1920 г. составляла 1 266 чел., в 1925 г. – 2 766 чел. Большинство из них представляли собой беженцев без гражданства⁵⁷.

Следует учитывать, что общая численность населения города, включая и китайскую часть, никогда не была известна, так как произвести правильный учет было невозможно. Предполагалось, что численность всего населения составляла не менее 2 млн чел. Согласно данным переписи, на иностранных селтльментах находились 30 565 иностранцев (включая японцев, индусов и др.); китайцев – 802 700 чел. При этом на французской концессии находилось 7 811 иностранцев; 289 700 китайцев. Перепись в иностранных концессиях производилась путем раздачи по квартирам опросных листов, без всякого последующего контроля. Это приводило к тому, что китайцы в больших количествах скрывали свое пребывание на концессии. Недоучет населения констатируется и по отношению к русскому, преимущественно эмигрантскому населению. Так, французская полиция грубо, “на глаз” считала, что одних русских на французской концессии не менее 7 тыс. чел. Однако, согласно официально опубликованным данным на 22 октября 1925 г., русское население французской концессии составляло 1 403 чел. среди 7 811 иностранцев⁵⁸.

Однако, несмотря на Международный селтльмент и иностранные концессии, положение русских эмигрантов в первые годы в Шанхае было довольно трудным. Как отмечается в некоторых документальных источниках, “в большинстве своем они влачили жалкое существование, иногда получая пищу в бесплатных столовых разных благотворительных обществ”⁵⁹. Основная масса русских расселилась на территориях иностранных концессий, прежде всего на французской территории, в Международном селтльменте. После Октябрьской революции власти Международного селтльмента и французской концессии по-прежнему признавали консульство бывшей Российской империи в Шанхае как единственное учреждение, представлявшее интересы россиян.

Декрет президента Китая от 23 сентября 1920 г., согласно которому российские консульские учреждения прекратили свою деятельность, в том числе и в Шанхае, а русское население переходило под юрисдикцию китайских законов, вызвал возмущение русской общественности города, но изменить ситуацию уже не представлялось возможным.

В феврале 1921 г. пекинское правительство в крупных торговых портах страны, в том числе в Шанхае, учредило Бюро по русским делам при китайских Комиссарах по иностранным делам. Бывшие консульские чины Российской империи были зачислены в бюро на службу без содержания от китайской казны. 7 марта 1921 г. в Шанхае состоялось его официальное открытие. Председатель Комиссариата по иностранным делам провинции Цзянсу Сюй Юань был назначен начальником этого

⁵⁵ АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 3357, л. 308.

⁵⁶ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск, 2008, с. 132.

⁵⁷ Маракуев А.В. Шанхай – торговая столица Китая. – Вестник Маньчжурии, 1927, № 3, с. 51.

⁵⁸ Зефиоров Н.С. Шанхай и его возможности. – Вестник Маньчжурии, 1928, № 9, с. 62.

⁵⁹ Центральный архив Федеральной службы безопасности России, ф. 2, оп. 1, д. 541, л. 9.

бюро, а бывший генеральный консул Российской империи в Шанхае В.Ф. Гроссе — его помощником⁶⁰. Бюро управляло бывшими русскими подданными, руководствуясь китайским законодательством, ведало регистрацией русских эмигрантов, выдачей паспортов, производившейся через китайский паспортный отдел Бюро общественной безопасности. Выдачей паспортов русским эмигрантам для въезда в Россию в Шанхае занимался специальный представитель СССР Р.Ж. Ильде. Все заявки на получение паспортов он отправлял на рассмотрение и утверждение в Пекин в Представительство СССР⁶¹.

В августе 1923 г. административный совет при военном губернаторе и администрация при гражданском губернаторе провинции Цзянсу разработали и опубликовали правила по организации жизни русских эмигрантов, согласно которым оформление паспортов для всех русских эмигрантов производилось по правилам, установленным для граждан безоговорочных стран. Русские, желающие поселиться в Шанхае, должны были получить вид на жительство. Но он выдавался только тем гражданам, которые прошли проверку на благонадежность; кроме того, за него взималась плата в размере 2 долл. и консульский сбор 10 центов. Для уклоняющихся от получения вида на жительство предписывалось наказание за нарушение международных договоров. Выезжая за пределы Шанхая, русский эмигрант должен был сдать вид на жительство для его последующего уничтожения.

После установления советско-китайских отношений бюро прекратило свою деятельность в Шанхае. Ведение русских дел, регистрация, выдача паспортов всецело перешли к китайским комиссарам по иностранным делам там, где они имелись, и к китайским губернаторам и полиции там, где их не было.

Правовое положение русской эмиграции в Северном Китае в 1917 — начале 20-х годов XX в. также имело свои особенности. До революции в России большинство русских проживало на территории русской концессии. Ее делами управлял муниципалитет, в управление которого входили наряду с русскими американцы, китайцы и англичане. По другим данным, русская концессия находилась на “худшей” стороне реки Хайхэ, на которой располагался город, далеко от других крупных концессий и иностранного центра жизни. Поэтому она была мало заселена, и большинство русских проживало на английской концессии⁶².

Точных статистических данных о населении Тяньцзиня не было. По сведениям Китайского почтового управления, опубликованным в 1925 г., в Тяньцзине числилось китайцев 838 629 чел., европейцев — 5 700 (из них свыше 4 тыс. чел. русских), японцев — 5 тыс. чел. К 1929 г. общая численность населения увеличилась до 1 млн чел.⁶³ По другим данным, численность русских эмигрантов в Тяньцзине к 1927 г. составляла 3–4 тыс. чел., а в середине 30-х годов XX в. — около 6 тыс. чел.⁶⁴

После отказа советского правительства от прав экстерриториальности и от прав на концессию китайские власти упразднили русское консульство. 25 сентября 1920 г. русский флаг был спущен с ратуши муниципального комитета русской концессии и поднят китайский. Однако и здесь посольства иностранных государств протестовали против изъятия прав у русских. Местный дипкорпус также был обеспокоен тем, что железнодорожные станции, которыми пользовались различные концессии в Тяньцзине, улицы, идущие от станций до концессий, находились как раз на территории русской концессии, здесь же находились и мосты через реки, которые имели и военно-стратегическое значение⁶⁵. Актуальным стал вопрос об их охране, что в условиях нестабильной

⁶⁰ Ван Чжичэн. Карта русской культуры в Шанхае. Шанхай, 2010, с. 7.

⁶¹ Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае, с. 149, 151.

⁶² Нэш Г. Указ. соч., с. 66.

⁶³ Трифонов Н.Н. Порты Северного Китая. Тяньцзинь. — Вестник Маньчжурии, 1929, № 2, с. 50.

⁶⁴ Аурилене Е.Е. Указ. соч., с. 102.

⁶⁵ Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае, с. 135.

внутриполитической ситуации в Китае имело особое значение. Русское население обеспечивать охрану не могло, даже несмотря на то, что многие русские продолжали работать в муниципалитете.

Так же, как и в других провинциях и городах Китая, в первые годы эмиграции в Тяньцзине было организовано Бюро по русским делам, которое отвечало за административное управление русскими. Его начальником был назначен Дин Чжэнчжи⁶⁶. После признания Китаем СССР большинство русских, бывших граждан Российской империи, было уволено из муниципалитета⁶⁷, а бюро – упразднено.

На северо-западе Китая, в провинции Синьцзян, где в начале 20-х годов XX в. оказалось около 50 тыс. русских эмигрантов, их правовое положение также имело свои особенности, а урегулирование правового статуса русских беженцев стало важным фактором советско-китайской дипломатии в регионе.

Пограничные регионы Китая, в том числе Синьцзян, издавна представляли стратегический интерес для России, поэтому именно здесь императорские консульские учреждения были наиболее вовлечены в решение различных политических вопросов. Особое значение деятельность консульств приобретает в 1911–1918 гг., так как в эти годы Пекин приступает к интенсивному заселению данных территорий. Разумеется, консульства в Синьцзяне наряду с выполнением регулярных функций осуществляли и правовую защиту российских подданных от притеснения местных властей⁶⁸.

Отношение к русским гражданам со стороны местных китайских властей начало меняться уже с весны 1917 г., соответственно ухудшалось и их правовое положение. В российское Министерство иностранных дел консулами были направлены сведения о падении престижа России, а также о случаях оскорблений русских подданных со стороны китайцев.

Русские граждане пытались разобраться в сложившемся положении. В городах Кульдже и Чугучаке были образованы исполнительные комитеты. Однако Временное правительство рассматривало подобные организации как “органы общественного мнения, указаниями которого Временное правительство готово руководствоваться” но не следовать им⁶⁹.

После окончания Гражданской войны в Синьцзян хлынул поток русских беженцев. Так же, как и в других провинциях Китая, вплоть до установления советско-китайских отношений, бывшие консулы Российской империи оставались в провинции на своих местах и делали все возможное для защиты прав русских граждан. Русский эмигрант Ю. Понькин в своих воспоминаниях так характеризует деятельность царского консула П.П. Дьякова в этот период: “В двадцатом году после провала Белого движения, возглавляемого Колчаком, остатки армий Дутова, Бакича и Анненкова отступили в Синьцзян. С этого момента началось самое трудное для Дьякова время за всю его карьеру. Оставшись консулом без государства, он все еще по инерции, пользуясь своим авторитетом, мог улаживать всевозможные проблемы, которые возникали из-за присутствия армий и множества беженцев. Его работа осложнялась еще тем, что многие армейские части не желали подчиняться никаким законам, не хотели ни с кем и ни с чем считаться и думали только о реванше”⁷⁰.

В то же время политика губернатора Синьцзяна Ян Цзенсиня в отношении Советской России существенно отличалась от политики центрального правительства Китая, так как губернатор был достаточно независим в своих действиях. После Октябрьской революции он занял нейтральную позицию относительно всех сил, боровшихся в этот период в России, и закрыл границу между Синьцзяном и Средней Азией. Но уже в 1920 г. торговые контакты с приграничными российскими территориями были

⁶⁶ Там же, с. 137.

⁶⁷ Аурилене Е.Е. Указ. соч., с. 102.

⁶⁸ Сизова А.А. Указ. соч., с. 103–104.

⁶⁹ АВП РИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 3357, л. 75, 65, 90, 91.

⁷⁰ Понькин Ю. Путь отца. Россия – Китай – Австралия. Сидней, 1997, с. 110.

возобновлены. Торговля стала решающим фактором стабилизации ситуации в регионе и налаживания отношений между Советской Россией и Синьцзяном⁷¹.

Это в полной мере повлияло и на отношение провинциальных властей к оказавшимся в Синьцзяне русским беженцам. Так как в провинцию отступили крупные военные соединения: остатки Оренбургской, Семиреченской армий и целый ряд других, более мелких групп, это не устраивало ни руководство провинции, ни, разумеется, советские власти. В результате в ходе совместных военных операций советских и китайских войск, проведенных на территории Синьцзяна и Монголии в 1921–1922 гг., они были уничтожены. Кроме того, власти провинции, стремясь избавиться от беспокойного контингента русских “неграждан”, предоставляли бесплатный проезд желающим выехать на Восток.

Поскольку правовой статус русских эмигрантов не был определен, они не имели права свободного передвижения по территории Синьцзяна. Это существенным образом сказывалось на их материальном положении, так как они не имели возможности найти подходящую работу, чтобы прокормить себя и свои семьи. Только с 1923 г. русским беженцам, не имеющим регистрации, было разрешено свободно передвигаться в пределах провинции. Это позволило многим эмигрантам, остававшимся безработными в связи с неопределенным правовым статусом, направиться в степные районы провинции, так как жизнь там стоила существенно дешевле⁷².

Но в городах провинции продолжали оставаться тысячи военных и гражданских беженцев, правовое положение которых требовало незамедлительного решения. Постепенно в Синьцзяне сложилась парадоксальная ситуация: защищать права русских эмигрантов стали советские представители. Однако, учитывая неоднозначное, несмотря на налаживание торговых связей, отношение китайского руководства к советским властям, им это давалось нелегко. Генеральный консул СССР в Урумчи А.Е. Быстров отмечал, что “выступать на защиту бывших русских граждан чрезвычайно трудно, так как китайцы в каждом отдельном случае не забывают указать на наш отказ от собственной юрисдикции”. Положение становилось весьма трудным, и А.Е. Быстров пришел к выводу, что на китайское руководство “больше действует система неуступчивости и угроз”. Единственный выход он видел в ответных репрессиях по отношению к китайским подданным в советском Туркестане, “где фактически китайских граждан больше, чем русских в Синьцзяне”, тем более что именно в это время здесь как раз проходила регистрация китайских граждан, и китайские власти неоднократно направляли свои жалобы советским представителям на многочисленные нарушения, допускаемые, по их мнению, советской стороной при проведении регистрационных мероприятий. Другой мерой советский представитель считал возможное ограничение подачи воды из рек, протекающих по территории СССР и Синьцзяна. В конце концов, генеральный направил официальное письмо Ян Цзенсиню, в котором отметил что, “несмотря на то, что в Центральном Китае уже давно был разрешен вопрос с регистрацией бывших русско-подданных, проживающих там, и регистрация давно окончена, в Синьцзяне, несмотря на ряд моих запросов, вопрос этот до сего времени не разрешен”. Консул также указал, что “китайские граждане, проживающие не только в смежных с Синьцзяном областях СССР, но и на всей территории Советского Союза, пользуются полной свободой передвижения и правом обработки земель наравне с советскими гражданами”⁷³.

Однако правовое положение русских в провинции так и не было до конца урегулировано. Решение вопроса о правовом статусе русских эмигрантов продолжало оставаться частью своеобразной дипломатической игры как советских, так и китайских политиков в центральноазиатском регионе.

⁷¹ Воскресенский А.Д. Указ. соч., с. 451.

⁷² Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 0100, оп. 10, п. 131, д. 92, л. 44–45.

⁷³ Там же, ф. 08, оп. 9, п. 18, д. 74, л. 3, 6, 16, 104–105.

Таким образом, в первые годы своего пребывания в Китае русская эмиграция оказалась “вне правового поля”. Надежды на решение ее правового статуса не получали реального воплощения. Политика бывших российских дипломатов, советской власти и китайской администрации в отношении русских беженцев зависела от стремительно разворачивающихся исторических событий. Представители дореволюционной России до конца выполняли свои функции по защите интересов и прав русского населения. При этом они активно использовали не только свои официальные полномочия, но и сложившиеся за годы службы доверительные отношения с китайскими властями. Однако постепенно внешнеполитические факторы оказались преобладающими в политике китайского руководства, в том числе относительно правового положения русского населения. Налаживание отношений с победившей в Гражданской войне советской властью привело к потере русскими своих прав в Китае, что в свою очередь давало возможность китайскому руководству на некоторое время укрепить свое влияние в тех регионах страны, в которых прежде были сильны позиции России. Советское же правительство не было настроено на защиту прав русских эмигрантов, напротив, так называемый “эмигрантский фактор” оно использовало в своих интересах: первоначально преследуя идеологические цели, однако впоследствии главную роль вновь стали играть государственные интересы.